

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА ТОМСКА (XIX – НАЧАЛО XX В.)

Издательство Томского университета
2014

ПОЛИГРАФИЯ И ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО В РЕГИОНЕ

1.1. Цензура и законодательство о печати

В конце XIX – начале XX в. вопросы открытия типографий и литографий в губерниях Российской империи регулировались «Временными правилами о цензуре и печати» от 6 апреля 1865 г. и специальным указом от 1902 г.¹, вносившим некоторые изменения в Устав о цензуре и печати. Для периодических изданий серьезным ограничением стали «Временные правила о печати» от 27 августа 1882 г., усиливавшие административное давление². Органом, проводившим политику властей в этой сфере, являлось Главное управление по делам печати при Министерстве внутренних дел. Разрешение на открытие типографий на местах выдавалось губернаторами, при этом была необходима справка о политической благонадежности заявителя. Требовалось также извещать инспекторов по делам типографий о приобретении нового оборудования, изменении в составе сотрудников и т.д. С 1902 г. стало обязательным указывать в прошении об открытии типографий «число и размер скоропечатных машин и станков, какие они предполагают иметь в своем заведении»; об изменении количества и качества техники владельцы типографий также должны были ставить в известность инспектора.

Необходимо помнить и о том, что с точки зрения центральных властей, жестко регулировавших процесс книгопечатания в стране, Сибирь не нуждалась в книгопечатании в такой же степени, как центральные губернии. Свидетельством тому является тот факт, что разрешение на печатание губернских ведомостей в Сибири состоялось гораздо позже, чем в отношении центральных губерний: «Положение об издании губернских ведомостей» от 27 октября 1830 г. касалось только шести губерний³, а «Положение о порядке произ-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6781. Л. 18–19.

² Книга в России. 1881–1895 гг. / под ред. И.И. Фроловой. СПб., 1997. С. 33–34.

³ ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1830. Т. 5. Отд. 2. № 4036.

водства дел в губернских правлениях» (1838)¹ и «Правила для издания сенатских ведомостей» (1838)² не распространялись на «Сибирский и Остзейский край и области Кавказскую и Бессарабскую»³. Соответствующее разрешение для Сибири последовало в 1856 г., одновременно с этим была введена и новая должность в губернском правлении – начальник газетного стола. Таким образом, естественный ход роста полиграфических возможностей в Сибири (в котором должно было присутствовать лишь небольшое запаздывание, оправданное большими расстояниями), осложнялся политикой правительства, которое не считало нужным развивать книгопечатание в окраинных областях империи. Согласно Правилам 1865 г., в провинциальных городах без цензуры могли выходить лишь издания официальные, ведомственные, а также издания учебных заведений и научных обществ. Для выпуска книжных изданий в провинциальных городах нужно было обращаться за разрешением непосредственно в Главное управление по делам печати, либо необходимо было наличие собственного цензора. Так, иркутский городской голова В.П. Сукачев писал: «До тех пор, пока не будет постоянного цензора, непосредственно подчиненного Главному ли управлению по делам печати или ближайшему цензурному комитету, издательская деятельность здесь немислима»⁴.

С другой стороны, следует отметить и такие события, как празднование 300-летия присоединения Сибири к России 26 октября 1881 г., начало строительства Транссибирской магистрали в 90-х гг. XIX в. Добавив сюда интенсивное развитие модернизационных процессов и растущее количество переселенцев в край и такой существенный для Сибири фактор, как постоянно существующий поток ссыльных, мы получаем картину, отличную от положения в Европейской России. Так, народоволец И.И. Попов отмечал, что развившееся в Сибири «культурничество» помешало наступлению здесь «чеховских сумерек», характерных для европейской части России

¹ ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1838. Т. 12. Отд. 1. №10304. § 86–96.

² Там же. 1839. Т. 13. Отд. 1. № 10978.

³ Подробно этот вопрос осветил В.В. Шевцов. См.: *Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири.* Томск, 2012. С. 20–41.

⁴ *Книга в России. 1861–1881.* Т. 2 / под ред. И.И. Фроловой. М., 1990. С. 186.

1880-х гг.; в эти годы, с его точки зрения, в Сибири было свободнее, чем в столицах¹.

Как отмечалось исследователями, «сибирское книгоиздание второй половины XIX в. не знало характерных для центра подъемов и спадов, связанных с динамикой общественно-политической ситуации в стране. Оно не было подвержено количественным колебаниям, вызванным ужесточением цензурного режима, так как основная масса книг выходила с разрешения местных властей и была связана с экономической и культурной жизнью края. Цензурные притеснения в Сибири носили более стабильный характер, постоянно усугубляя и без того тяжелые условия выпуска местных изданий. Периоды же политических репрессий в значительно большей степени отзывались на сибирском книгоиздании притоком новых интеллектуальных сил из центра, а следовательно, активизации научной и издательской деятельности»².

При этом правоприменительная практика в полиграфическом и издательском деле Сибири характеризовалась также значительным количеством подзаконных актов – циркуляров и распоряжений, которые показывают, что запреты на открытие типографий были связаны не только с политическими мотивами. Среди основных причин отказа в открытии типографий или приобретении полиграфического оборудования можно назвать, помимо политических мотивов (неблагонадежность предполагаемого владельца, невозможность полицейского надзора), также желание оградить от конкуренции губернскую типографию и проблему черты еврейской оседлости.

Одной из иллюстраций того, что политическая неблагонадежность была важнейшим аргументом при решении вопроса о приобретении тем или иным лицом типографии, является дело Гуляевых. В июне 1889 г. содержательница типографии в Барнауле жена покойного статского советника Александра Филипповна Гуляева решила продать имеющуюся у нее типографию и литографию жене потомственного дворянина Софье Антоновне Гуляевой, о чем подала соответствующее прошение³. Ответ полиции на стандартный запрос губернатора оказался весьма развернутым и интересным. На-

¹ Цит. по.: *Книга в России. 1881–1895 гг.* С. 241.

² Там же. С. 258–259.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2831.

чальник Томского губернского жандармского управления сообщил, что хотя обе Гуляевы не состояли и не состоят под судом и следствием, но «возбуждают полное сомнение в политической благонадежности»¹. Сомнение основывалось на том, что проживающие вместе Гуляевы «не только ведут знакомство и дружбу с политическими ссыльными, но и принимают их у себя как квартирантов»², Софья Гуляева допускает к работе в типографии политических ссыльных, например ссыльный Иван Овсянкин трудится в качестве переплетчика³. Надежда Гуляева является «укрывательницей политических ссыльных», поскольку получает на свое имя для них почту⁴. Наконец, обе Гуляевы состояли «в дружбе и родстве» с Василием Штильке, что казалось жандармскому начальству особенно подозрительным. На тот момент Василий Константинович Штильке, известный просветитель, уже состоял под негласным надзором полиции, соответственно, повышенное внимание уделялось и его окружению. Поэтому было рекомендовано не допускать передачи типографии Гуляевых в означенный круг лиц, поскольку в этом случае типография становилась доступна политическим ссыльным, которые могли как печатать в ней что-либо недозволенное, так и «нравственно воздействовать на других лиц, служащих в типографии». При всем этом, однако, барнаульский окружной исправник считал, что препятствий для содержания типографией С.А. Гуляевой нет никаких⁵. В итоге в прошении Гуляевым было отказано. Отметим, что относительно деятельности В. Штильке в ГАТО отложилось еще одно крайне интересное дело⁶, характеризующее его участие в работе Общества попечения о начальном образовании в Барнауле, которой местное начальство было весьма недовольно.

Также по политическим мотивам было отказано в открытии типографии дворянину Николаю Львовичу Пиглевскому и личному почетному гражданину Владимиру Сафоновичу Павлову, проживавшим в Томске. 19 декабря 1915 г. они подали прошение на открытие типографии на ул. Почтамтской, д. 28/30; предполагалось

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2831. Л. 3.

² Там же.

³ Там же. Л. 3об.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ Там же. Оп. 56. Д. 45.

иметь в ней следующие машины: «одну скоропечатную машину, одну Американку и одну Бостонку»¹. Выдаче разрешения препятствовали имеющиеся у жандармерии сведения о причастности Н.Л. Пиглевского, топографа первого земельно-технического бюро, к деятельности партии социалистов-революционеров.

Встречались и случаи, когда отказ являлся следствием целого ряда факторов, в том числе личных неприязненных отношений между заявителем и представителями власти. Так, 12 сентября 1907 г. к томскому губернатору обратился мещанин г. Бахмута Екатеринославской губ. (ныне – г. Артемовск Донецкой обл., Украина) Александр Шпунтович, проживающий в Барнауле, на Пушкинской ул., в доме Смирнова². Он просил о разрешении ему открыть типографию в Барнауле, «в составе 3-х типографских машин и 150 пудов шрифта и материала». Чрезвычайный интерес представляет рапорт Барнаульского уездного исправника, характеризующий Шпунтовича; позволим себе обширную цитату³. «Мещанин города Бахмута Владимир Шпунтович⁴ в городе Барнауле проживает очень малое время, в которое уже успел показать себя крайне нетактичным человеком, очень нервным и дерзким в отношении окружающих его; ходя по городу и заводя знакомства с лицами крайних левых направлений, позволяет себе критиковать вслух распоряжения о мерах против холеры; будучи в типографии Реброва позволил себе выражаться, что он устроит типографию и газеты без всякой полиции и какого бы то ни было контроля, каковых и знать не хочет, хвастая своими связями с лицами высших административных ступеней города Томска. Вообще Шпунтович нежелательный элемент в гор. Барнауле, тем более, что при существовании в настоящее время 3-х частных типографий и 1-й казенной Алтайского ведомства, что вполне удовле-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6918. Л. 1.

² Там же. Д. 6189. Л. 1.

³ Там же. Л. 6–6 об.

⁴ Шпунтович Владимир Александрович (1876, Бахмут – 1928) русский, образование: начальное, б/п, Саралинское рудоуправление, зав. лесозаготовками, житель: Хакасский окр. Арест: 1928.05.29. Осужд. 1928.12.21. Обв. ст. 58–04, КРД Приговор: 3 года. Реаб. 1993.02.02 [Книга памяти Томской обл.]; Шпунтович Владимир Александрович (1876, Донецкая обл., город Бахмут – 1928). Житель: Красноярский край, Хакасская АО, Орджоникидзевский р-н, поселок городского типа Сарала. Осужд. 1928. Приговор: ИТЛ-3 [База данных Красноярского общества <Мемориал>]. – URL: <http://rosgenea.ru/?alf=25&serhcatal=%D8%EF%F3%ED%F2%EE%E2%E8%F7&t=4> (дата обращения: 24.05.2013).

творяет требования Барнаульского уезда, нет никакой надобности в открытии еще типографии». На этих основаниях исправник предлагал прошение Шпунтовича отклонить, что и было сделано. Шпунтович подавал еще несколько прошений, но все они оказались безрезультатны.

Интересно, что беседы В.А. Шпунтовича об открытии им типографии не прошли даром и вызвали изрядную панику в местном полиграфическом сообществе. Так, 5 марта 1907 г. от надворного советника, почетного мирового судьи Петра Васильевича Орнатского поступило прошение на имя томского губернатора с просьбой разрешить ему приобрести находящуюся в Бийске типографию Плотникова¹; предполагалось позже перевезти ее в Барнаул. Далее в деле появилось прошение владельца типографии в Барнауле Николая Алексеева Румянцева, который собирался продать типографию Орнатскому; причины продажи типографии он обосновал следующим образом: «что меня понуждает продать типографию. 1е что служащие делаются развращенными и непокорными, 2е конкуренция явилась, и по слуху в скором времени откроется вторая типография какого-то Шпунтовича, а в 3х кстати отдохнуть, занимаюсь более 26 лет этим делом»². Сделка была разрешена, и позже (12 декабря 1907 г.) Орнатский сообщил, что приобрел типографию и литографию Румянцева «в составе двух скоропечатных машин, бостонки и ручного литографического станка»³, а также о том, что как отдельное предприятие типография Румянцева существовать не будет, он лишь заберет себе оборудование.

Ситуация в Бийске и Барнауле вызывала особое беспокойство губернских властей. Так, 28 сентября 1910 г. бийская мещанка Ольга Степанова Кузьмина, проживающая в г. Бийске на Мальцевской площади, в доме Мезанцевой, подала прошение на имя томского губернатора с просьбой разрешить ей открыть типографию в Бийске, «в которой пока будут поставлены два ручных станка и 1 бостонка, а затем впоследствии и скоропечатная машина»⁴. На стандартный запрос начальник томского губернского жандармского управления сообщил, что Кузьмина (урожд. Виноградова) не замечена в полити-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6187.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Оп. 67. Д. 97. Л. 1.

ческой неблагонадежности, «но муж ея, на средства которого предполагается открытие типографии, ранее в г. Бийске имел типографию, закрытую затем за печатание прокламаций, каковые печатались под руководством бывшего мирового судьи Петрова, Аврова и др. Поэтому открытие типографии весьма нежелательно, тем более, что в Бийске уже имеется типография Орнатского, на благонадежность которой особенно полагаться нельзя, так как хотя Орнатский и не революционер, а попросту кулак, но около него всегда пристраивается неблагонадежный элемент, и вышеупомянутый Кузьмин Иван Никифоров состоит у него доверенным лицом при типографии. И если допустить открытие типографии Кузьминой, то в г. Барнауле и г. Бийске окажутся все типографии ненадежные, так как типография Шпунтовича в г. Барнауле не может быть признана вполне благонадежной»¹. В открытии типографии Кузьминой было отказано.

Также по политическим мотивам было отказано в разрешении на открытие типографии в г. Кузнецке жене помощника начальника кузнецкой почтово-телеграфной конторы, канцелярского служителя Марии Дмитриевне Рутенберг, подавшей соответствующее прошение в марте 1906 г.²

Однако политическая неблагонадежность далеко не всегда была причиной отказа³; Томск не являлся исключением в этом отношении. Так, совершенно бесхитростный ответ последовал на ходатайство томского мещанина Михеля Цейнера и присяжного поверенного Трифона Никитина, которые собирались выпускать в Томске газету «Сибиряк». В черновике письма губернатора в Главное управление по делам печати сообщалось, что «цензурирование еще одной томской газеты увеличит как труды, так и канцелярские и прочие расходы по цензуре, ныне рассчитанные только на четыре издания»⁴. Правда, в чистовом варианте письма упоминание перспективы роста канцелярских расходов уже отсутствует.

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 97. Л. 9–9об.

² Там же. Оп. 14. Д. 81.

³ См., например: Кононова Т.Л. Создание и распространение провинциальных типографий в России во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Курской губернии) [Электронный ресурс] // Ученые записки: электрон. науч. журнал Курского государственного университета. Исторические науки и археология. 2012. № 2. – URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/024-007.pdf> (дата обращения: 08.04.2013).

⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4184. Л. 12–12об.

Целый ряд отказов последовал в связи с чертой еврейской оседлости, в состав которой Сибирь, как известно, не входила. Эти отказы хорошо согласуются с той политикой, которая проводилась властями в отношении евреев в Сибири¹; исследователями уже отмечалось, что в целом эта политика была непоследовательной и противоречивой². Рассмотрим несколько конкретных примеров.

Так, случкому мещанину Минской губернии Шимону Беркову Эпштейну, обратившемуся с ходатайством об открытии типографии в Томске, было отказано, поскольку, «согласно 23 ст. уст. о паспортах (т. XIV св. зак., изд. 1890 г.) евреям приезд и водворение в Сибири воспрещается»³.

4 июня 1900 г. вдова мариинского мещанина Гитля Осипова Каценеленбоген, проживающая по ул. Большой Подгорной в доме Короневского, №47, подала прошение о разрешении ей завести «типографию в небольшом виде, размером 9 x 14 вершков, под руководством моего сына Сруля Ааронова Каценеленбогена, так как он с малых лет занимался типографским делом»⁴. Резолюция гласила: «Сибирь, за исключением мест, где евреи приписаны, не является территорией свободного для них места жительства; для поселенных в Сибири евреев вообще место их поселения считается для них оседлостью и таким образом просительница Гитля Каценеленбоген как приписанная в мещане г. Мариинска не имеет права проживать в г. Томске, а равно и открывать здесь какие-либо промышленные заведения»⁵. Прошение было решено оставить без последствий. 1 августа 1900 г. Каценеленбоген подала второе прошение, в котором объясняла, что типографию собиралась открывать «для исполнения различных мелких работ, как то: печатание бланков, конвертов, сче-

¹ Гончаров Ю.М. Очерки истории еврейских общин Западной Сибири (XIX – начало XX в.) [Электронный ресурс] / Электрон. б-ка по истории Алтая. Барнаул, 2005. – URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/evrei/9-21.html> (дата обращения: 30.04.2013); Карух Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения XIX – начала XX в. Томск, 2004. 232 с.; Романова В.В. «Евреям приезд и водворение в Сибири строжайше воспрещены»: (политика государства в отношении евреев Сибири в XIX в.). Хабаровск, 2000. 50 с.; и др.

² Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 г.). Улан-Удэ, 2003. С. 18.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4975. Л. 3.

⁴ Там же. Д. 4601. Л. 1–1об.

⁵ Там же. Л. 2об.

тов, визитных и свадебных карточек и т.п.». Разрешение было для нее очень важно, поскольку «один мой сын подлежит призыву на военную службу, а второй мой сын, Сруль Аронов, именно только типографским ремеслом и в состоянии содержать себя самого и меня, его мать, достигшую уже преклонных лет»¹. На это прошение также последовал отказ. Однако семья Каценеленбогенов все же нашла выход из положения. 29 марта 1902 г. мариинский мещанин Давид Аронов Каценеленбоген, проживающий в Томске, «в фотографии Юнышева», подал прошение об открытии типографии в г. Мариинске, «с одной скоропечатной машинкой “Американкой”, размером $7\frac{1}{2} \times 10\frac{3}{4}$ вершка и фабрику по производству каучуковых штемпелей»². Полиция провела стандартную проверку, не нашла за просителем ничего предосудительного, выяснила, что он «служит ретушером в фотографии Юнышева»³; разрешение было дано.

Губернаторы разнообразными способами ограничивали заведение частных типографий, если считали, что это поможет развиваться типографиям казенным. В марте 1895 г. к томскому губернатору обратился доверенный издателя-редактора «Сибирского вестника» севастопольского мещанина Григория Прейсмана сын священника Николай Арефьев с тем, чтобы его доверителю разрешили «выпускать газету, выходящую в свет три раза в неделю, с особыми к ней приложениями, ежедневно»⁴. Губернатор в своем ответе губернскому правлению от 24 марта 1895 г. отметил, что «в виду того, что за губернской типографией числится еще казенный долг, который тем скорее, разумеется, может быть выплачен, чем больше заказов будет иметь типография, я со своей стороны полагал бы, при удовлетворении вышеизложенного ходатайства Прейсмана, поставить непременно условием, чтобы открываемая им типография имела размер и одну печатную машину, достаточные только для печатания газеты “Сибирский Вестник”»⁵.

В итоге Томское губернское правление 29 марта 1895 г. постановило: «имея в виду, что открытие в г. Томске еще одной частной типографии само собою повлечет за собой уменьшение работ в Том-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4601. Л. 3–3об

² Там же. Оп. 13. Д. 1301.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Оп. 19. Д. 1333. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 3.

ской губернской типографии, которая, после понесенных в улучшение ее значительных расходов, как по выписке материалов, так и на приобретение в 1892 году инструмента частной типографии Картамышева, не успела еще прийти в надлежащий порядок и покрыть числящийся на ней казенный долг, пополнение которого в прямой зависимости от количества поступающих в типографию частных заказов и не встречая со своей стороны других препятствий к разрешению ходатайства мещанина Прейсман об открытии типографии для печатания газеты “Сибирский Вестник”, находит со своей стороны возможным, в виду соблюдения интересов губернской типографии, удовлетворить объявленное ходатайство Прейсмана с неизменным условием, чтобы типография его имела только одну машину и материал, потребный исключительно для печатания издаваемой им газеты»¹.

24 сентября 1898 г. витебский 1-й гильдии купец Шмарий Меклер подал жалобу на решение томского губернатора, запретившего ему открытие типографии в Томске². Рассмотрев дело, Сенат сослался на ст. 158 Указа о цензуре (св. зак., т. XIV. 1890 г.), указав, что «в законе не постановлено, чтобы выдача дозволений по 158 ст. зависела от усмотрения губернаторов. Ввиду изложенных соображений и принимая во внимание, что томский губернатор, отказывая Меклеру в разрешении открыть типографию в городе Томске, руководствовался лишь теми соображениями, что в этом городе уже достаточно подобного рода заведений, Правительствующий Сенат находит это распоряжение лишенным законного основания»³. Поэтому указ губернатора был отменен, а губернатору предписано вновь рассмотреть заявление Меклера. В деле также содержится целый ряд свидетельств, выписанных на имя Меклера, из которых явствует, что он содержал типографии в Перми, Екатеринбурге (здесь у него также было предприятие монограммно-конгревного печатания), в Тобольске – предприятие по производству каучуковых штемпелей. О качестве производимых им работ свидетельствует тот факт, что в 1887 г. на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в г. Екатеринбурге экспонаты Меклера привлекли внимание великого

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 1333. Л. 4–5.

² Там же. Оп. 2. Д. 4416.

³ Там же. Л. 1об.

князя Сергея Михайловича, который заказал ему бумагу и конверты с монограммой¹. Также Меклер выполнял типографские работы и изготавливал штемпели для главного контролера Уральской железной дороги; заказчик остался доволен результатом², качество работ оценил и екатеринбургский полицмейстер³. Получив решение Сената, томский губернатор распорядился известить о нем Меклера; однако Меклер более не проявлял желания открывать предприятие в Томске.

Аналогичные сложности имели место и при открытии литографий и приобретении гектографов. Так, купеческому сыну В.П. Пьянкову было отказано в открытии литографии из-за «нежелательности конкуренции с губернской типографией»⁴. 2 декабря 1871 г. Нарымский 2-й гильдии купеческий сын Владимир Павлинов Пьянков, проживающий в Томске, «в ведении Сенной частной управы», обратился с прошением об открытии частной литографии на имя томского губернатора. Он предполагал оснастить предприятие двумя ручными станками, «в которых размер будет: на одном, в полтора листа обыкновенной писчей бумаги, а на другом – в один лист»⁵. Губернатор распорядился отправить запрос председателю Томского губернского правления с целью выяснить, не будет ли ущерба губернской типографии от открытия нового предприятия и нет ли других препятствий для его открытия. Официальный ответ председателя губернского правления М.Н. Берестова датируется 9 января 1872 г.⁶ В нем сообщается, что «уже открыта при здешней губернской типографии частная литография с платою процентов в пользу типографии за казенное помещение». Кроме того, как оказалось «частно известно» председателю губернского правления, у Пьянкова не приобретено еще оборудование, нет опыта в организации литографий, а в качестве персонала он предполагает привлечь уже работающего в губернской типографии ссыльного И. Рогуля. Наконец, организация еще одной типографии, по мнению Берестова,

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4416. Л. 7.

² Там же. Л. 8.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Волкова В.Н. Сибирское предпринимательство в области книжного дела (вторая половина XIX в.) // Вестн. Ом. ун-та. 1997. Вып. 3. С. 68–72.

⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1460. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 3–4.

привела бы к уменьшению количества заказов и «сокращению ба-рышей» губернской типографии. Весь означенный комплекс факторов и привел к отказу. Этот случай не был единичным: дважды (в 1867 и 1870 гг.) в открытии типографии и литографии в Томске было отказано Александре Васильевне Сунгуровой, пермской вдове коллежского асессора¹. Она также подала прошение на имя томского губернатора, в котором сообщала, что собирается открыть типографию и литографию в Томске; аналогичные ее заведения в Перми работали вполне успешно. Однако ей также было отказано «по неимению недостатка типографий в Томске»².

Приобретение гектографов волостными правлениями Томской губернии отмечается в 90-е гг. XIX в., более ранние попытки оказывались неудачными. Так, в 1886 г. Кузнецкий окружной исправник запросил разрешения на приобретение гектографа для нужд Ильинского волостного правления «в связи с большим объемом делопроизводства»³. В ответном письме были выражены сомнения в том, что объем делопроизводства так уж велик; кроме того, окружному исправнику было предложено взять на себя личную ответственность в том, «что приобретенный гектограф будет исключительно только употребляем для делопроизводства волостного правления». Кроме того, окружному исправнику предлагалось отвечать и за все последующие разрешения приобрести гектографы другим волостным правлениям, «которые будут неизбежно даны» в случае положительного решения по данному делу⁴. Взвесив последствия, окружной исправник признал, что, действительно, делопроизводство в Ильинском волостном правлении не так уж велико, при необходимости можно нанять второго писаря, да и брать на себя ответственность «за волостного писаря в том, что он будет употреблять гектограф единственно для нужд волостного правления» он никак не может⁵. В результате в приобретении гектографа было отказано. Однако спустя почти 10 лет, в 1897 г., чиновник по крестьянским делам

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1174.

² Там же. Л. 7об.

³ Там же. Д. 2869. В прошении оговаривалось, что приобретение гектографа планируется «в книжном магазине Михайлова и Макушина согласно ст. 158 XIV т. Закона о цензуре и печати издания 1886 г.».

⁴ Там же. Л. 2–3.

⁵ Там же. Л. 4–4об.

Кузнецкого округа вновь подал прошение на имя томского губернатора с просьбой разрешить Ильинскому волостному правлению приобрести гектограф, поскольку это «значительно облегчит писание многочисленных бумаг одного содержания»¹. Из материалов дела далее выясняется, что Ильинское волостное правление первоначально само обратилось в Петербург, в полиграфическую лабораторию М.Н. Алисова (Казначейская ул., д. 7, кв. 9) и даже выслало 10 руб. с пожеланием приобрести гектограф. Однако из лаборатории ответили, что для приобретения гектографа необходимо разрешение губернатора. Разрешение на этот раз было выдано, поскольку губернское правление «не встретило со своей стороны препятствий»².

С другой стороны, приобретение гектографов для подразделений, входящих в состав Алтайского горного округа, носило уведомительный характер; не встретила препятствий и инициатива по приобретению мимеографа Томским полицейским управлением, а также гектографа – нарымским городским старостой³.

Не обходилось и без курьезов. Так, примечательна попытка приобрести гектограф, предпринятая мещанином Михаилом Воскиным, проживавшим в с. Сорокинском Барнаульского уезда. 23 июня 1897 г. он подал прошение о разрешении на приобретение гектографа⁴. На стандартный запрос о политической благонадежности жандармское управление отрапортовало, что Михаил Николаев Воскин проживает на территории губернии с июня 1897 г. по паспорту, выданному Елизаветградской мещанской управой, «и в этот короткий срок зарекомендовал себя эксплуататором сельского населения, так что Чумышское волостное правление имело в виду возбудить против него преследование»⁵; впрочем, политически М.Н. Воскин был признан благонадежным. Суть «эксплуатации сельского населения» становится ясна из рапорта Барнаульского окружного исправника⁶, который сообщил, что Воскин промышлял тем, что «занимался писанием разных прошений крестьянам». Однако Воскин не предоставил гербовый сбор, поэтому разрешение на гектограф не было ему выдано.

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3783. Л. 1об.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Д. 3750. Л. 1–4, 11.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ Там же. Л. 7–7об.

⁶ Там же. Л. 8.

Вероятно, обилие такого рода отказов и большое количество жалоб, с которыми получившие отказ обращались в Главное управление по делам печати, побуждало последнее периодически рассылать по губерниям циркуляры с разъяснениями. Одно из подобных дел отложилось в ГАТО¹, оно включает циркуляры с 1887 по 1914 г. В частности, самый ранний из подобных циркуляров, от 23 июля 1887 г., как раз и открывается сообщением о том, что лица, которым было отказано в открытии типографий, «преимущественно из евреев», обращаются в Главное управление за разъяснениями. Управление по делам печати констатировало, что «некоторые губернаторы в своих объяснениях Сенату, в оправдание состоявшихся отказов, приводя такие доводы, которые или несогласны были с законом, или заключали в себе соображения побочные и несущественные»². В качестве примера приводился случай отказа в открытии типографии еврею вне черты постоянной еврейской оседлости. Главное управление по делам печати разъясняло, что «сим примечанием евреям дозволяется открывать типографии только для печатания одних еврейских книг... но вовсе не имело целью воспретить безусловно всем евреям содержать типографии для печатания книг и других, кроме еврейского, языках, на общем основании».

Отдельно оговаривались случаи, когда губернаторы отказывали в открытии новых типографий на том основании, что в подведомственных им городах уже имеется достаточное количество подобных заведений. Сенат отменял подобные распоряжения «...ввиду того, как выражено было в сенатских указах, что ограждение существующих типографий от конкуренции не лежит на обязанности губернаторов и не может служить основанием к неразрешению открытия новых типографий». Правда, оговаривалось, что бывают случаи, когда «типографский промысел доступен злоупотреблениям, часто неуследимым для полицейского надзора и в руках лица неблагонамеренного может сделаться орудием вредной пропаганды». Поэтому предписывалось обращать прежде всего внимание на благонадежность заявителей и возможность достаточного надзора за вновь открываемыми типографиями. Оговаривалось также, что «...ссылка

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6781.

² Там же. Л. 1–2.

на сказанные основания была бы неуместна при объяснении просителям об отказе в их просьбе».

Необходимость извещать власти об изменениях в количестве и качестве типографской техники также служила причиной возникновения споров. Так, циркуляр Главного управления по делам печати от 3 мая 1913 г.¹ в мотивировочной части содержал описание именно такого конфликта: владельцу типографии местный губернатор запретил приобретение второго типографского станка. На это Главное управление дало разъяснение, что, согласно действующему законодательству, необходимо различать две группы лиц: те, кто приобретает типографское оборудование для «промышленной цели», и те, кто его приобретает для собственных нужд. Если для вторых необходимо разрешение на каждый новый печатный станок, то «приобретать новые печатные станки для промышленных заведений... которые уже действуют на основании... дозволения... владельцы их имеют безусловное право, не испрашивая на то никаких дозволений».

Таким образом, правительство не призывало губернаторов давать разрешения на открытие типографий всем просителям, но предлагало проводить более гибкую политику в этом вопросе. Основными мотивами отказа в открытии типографий, как видно, являлись политическая неблагонадежность просителей, наличие «достаточного количества типографий» в регионе, нарушение черты еврейской оседлости. Противоречие между политикой центрального правительства и действиями местных властей было обусловлено, с одной стороны, желанием правительства увеличить налогооблагаемую базу посредством увеличения количества предприятий (в частности, промышленных типографий), а с другой – стремлением местных властей сохранить преференции для губернских типографий и контроль над политически неблагонадежными гражданами.

Если по причинам политической неблагонадежности отказы приходится на весь рассматриваемый период, то другие мотивировки сменяют друг друга с течением времени. Помеха губернской типографии как мотив отказа фигурирует преимущественно в конце XIX в. (это относится как к типографиям, так и к литографиям), ссылка же на черту оседлости как ограничивающий фактор встречается в начале XX в.

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6781. Л. 48–48об.